

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-51-59>

Языковые маркеры топосных текстов в стихотворении

А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...»

(к 220-летию со дня рождения)

Анна Тихоновна Грязнова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, grant09@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2524-6489>

Аннотация. В процессе лингвопоэтического анализа стихотворения А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» рассматриваются языковые маркеры «кавказского» и «сибирского» топосных (локальных) текстов, для чего используются методы сравнительного, интертекстуального, культурологического анализа, в основе которых лежит компонентная характеристика лексики. Цель статьи – проанализировать стихотворение и сделать вывод о месте произведения в корпусе локальных текстов. Несмотря на отсутствие в языке стихотворения топонимических показателей, в нем ярко представлены другие характерные признаки – кумулятивная функция, на основе которой формируются концепты с локальной семантикой; смысловое и образное сближение лингвистических концептов «Север» и «Юг»; наличие многообразных интертекстуальных связей, использование символов и архетипов.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ текста, топосные (локальные) тексты, «кавказский текст», «сибирский текст», языковые маркеры, концепты «Север» и «Юг», символы, интертекстуальные вкрапления

Для цитирования: Грязнова А. Т. Языковые маркеры топосных текстов в стихотворении А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» (к 220-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 51–59. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-51-59>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Language markers of topos texts in A. I. Odoevsky's poem

"Where are you dashing ..." (to the 220th anniversary of the birth)

Anna T. Gryaznova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, grant09@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2524-6489>

Abstract. The linguopoetic analysis of A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing..." characterises the linguistic markers of the Caucasian and Siberian topos (locus amoenus/local) texts. To achieve this objective, the study employs comparative, intertextual, and cultural analysis based on a componential analysis of vocabulary. The article aims to study the means of verbalisation of the "Caucasian" and "Siberian" topos texts in A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing...". Observation of the poetic text makes it possible to conclude that though it contains no toponymic markers indicating its belonging to the locus amoenus text corpus, the poem clearly shows other characteristic features of such texts. First, it is the cumulative function which forms the basis of concepts with local semantics. The next is semantic and figurative convergence of the linguistic concepts "North" and "South". One more characteristic feature is the presence of diverse intertextual connections and the use of symbols and archetypes.

Keywords: linguopoetic text analysis, topos (local) texts, "Caucasian text", "Siberian text", linguistic markers, "North" and "South" concepts, symbols, intertextual insertions

For citation: Gryaznova A. T. Language markers of topos texts in A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing ..." (to the 220th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(1):51–59. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-51-59>.

Введение. Изучение топосных (локальных) текстов, квалифицируемых филологами как «корпус «текстов о месте», благодаря которым

само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик», становящихся впоследствии константными [Баянбаева 2016: 77],

относится к числу приоритетных направлений современной лингвопоэтики. Одним из первых к их изучению обратился Н. П. Анциферов (1889–1958) в книгах «Душа Петербурга», «Петербург в поэзии А. Блока», «Жизнь города», «Пушкин в Царском Селе». «Петербургский текст» долгое время оставался главным объектом анализа литературоведов, краеведов, лексикографов, чему способствовали труды В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» и Н. А. Синдаловского «Мифология Петербурга», «Словарь петербуржца», «Легенды и мифы Невского проспекта», «Очерки Петербургской мифологии, или Мы и городской фольклор». С течением времени корпус «локусов» пополнился «московским», «венецианским», «алма-атинским», «северным», «кавказским», «сибирским» и другими текстами. На сегодняшний день он по-прежнему привлекает внимание исследователей, поскольку содержит произведения, ранее не становившиеся объектом топосного анализа.

Цель данной статьи — изучение средств вербализации кавказского и сибирского топосных текстов в стихотворении А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» (октябрь–декабрь 1837 г.).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью изучения поэтики А. И. Одоевского, которого часто называют автором одного произведения — ответа на «Послание в Сибирь» А. С. Пушкина — с лингвопоэтических позиций. Безусловно, стихотворение «Струн вещих пламенные звуки...» наиболее известно благодаря школьным учебникам, но лирика А. И. Одоевского значительно богаче. Не случайно литературовед Н. А. Котляревский назвал его литературное наследие «лирикой высокой пробы», включив поэта в плеяду таких авторов, как А. С. Пушкин, А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов, Н. П. Огарев: «В истории русской лирики двадцатых и тридцатых годов поэзия Одоевского может занять свое место в ряду тех непринужденно-искренних, пережитых и прочувствованных, сильных своей простотой и почти совсем неэффективных лирических стихотворений, которые писались в те годы Пушкиным и его друзьями» [Котляревский, Электронный ресурс]. Ученый включает Одоевского в круг писателей-романтиков, для поэтики которых было характерно противопоставление

реальности и идеального мира: «Песня Одоевского могла бы быть одной из последних песен, в которых выразилось уже отходящее в прошлое религиозно-сентиментальное, в общем оптимистическое мирозерцание, не позволявшее человеку слишком болезненно ощущать разлад мечты и жизни» [Там же]. В своей лирике А. И. Одоевский пошел дальше поэтов романтической плеяды: по глубине мировосприятия и языковому разнообразию его стихи приближается к лирике М. Ю. Лермонтова, с которым поэт подружился в кавказской ссылке. Сходство судеб поэтов обусловило близость их художественных картин мира, что проявилось в языке произведений Кавказского периода.

Стихотворения А. И. Одоевского даже на фоне лирики М. Ю. Лермонтова отличаются индивидуальность авторского стиля: в его поэзии «поражает... тщательная отделка стиха, редкое гармоничное сочетание формы с содержанием при отсутствии в этой форме излишне узорного или недосказанного, неясного, то же умение менять и тон, и ритм, та же способность одинаково просто выражать весьма разнообразные настроения и чувства» [Котляревский, Электронный ресурс]. Современный исследователь К. Кудряшов с полным основанием отметил «могучий интеллект... впечатляющий талант» [Кудряшов, Электронный ресурс] поэта, проявившиеся в созданных им произведениях. К сожалению, язык и индивидуальный стиль А. И. Одоевского в лингвопоэтическом отношении почти не изучены, отсутствуют материалы об участии поэта в становлении топосных текстов. Как следствие, новизна предпринятого исследования обусловлена выбором объекта наблюдения (стихотворение, рассматриваемое в статье, ранее изучалось только в контексте биографии поэта), а также топосным аспектом его анализа («кавказский» и «сибирский» сверхтексты достаточно подробно охарактеризованы литературоведами, но слабо исследованы с лингвопоэтической точки зрения). Для раскрытия темы нами используются методы интертекстуального, сравнительного, культурологического и стилистического анализа.

Анализ. К настоящему времени сложился круг авторов, произведения которых, по мнению ученых, формируют «кавказский» и «сибирский» тексты. Так,

Тюменский государственный университет разработал интернет-проект «Кавказский текст русской литературы» [Кавказский текст... Электронный ресурс], где в рамках XIX в. анализируется творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Аналогичные исследования находим и в статье А. М. Мартазанова «О современном состоянии “кавказского текста” русской литературы» [Мартазанова 2015]. В кандидатской диссертации А. А. Плисс «Мотивная структура “Кавказского текста” в русской литературе первой половины XIX века»¹ в контексте кавказского текста упоминается творчество таких авторов, как Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Полежаев. Как можно заметить, имя А. И. Одоевского в этом перечне отсутствует. В исследованиях, посвященных «сибирскому» тексту, оно также не упоминается².

Думается, объяснение ситуации нужно искать в том, как литературоведами определяются «кавказский» и «сибирский» тексты. Под «кавказским текстом» понимается «совокупность художественных текстов о Кавказе, в которых содержатся определенные концепты. Наряду с вечными мотивами, традиционными для большинства текстов — любовь, зло, добро, мир, война, ненависть, борьба и др., это мотивы пленения, мщения, послушания, чести/доблести, скитания/изгнания, семейного очага и др., обладающие повышенной значимостью, или, другими словами, “семантической насыщенностью как раз для имеющей столь глубокие корни традиции в русской словесности”»³ [Хализев 2000: 264]. «Сибирский текст» квалифицируется как присутствие «в составе русской

литературы корпуса сочинений, связанных не только тематически, но и мифопоэтически, что является решающим аргументом для атрибутирования его как особого сибирского текста» [Тюпа 2002: 35].

Индивидуально-авторские модификации пространственных концептов в поэзии А. И. Одоевского и добавление новых концептуальных полей мешают исследователям включить автора в число писателей, формировавших кавказский дискурс. По наблюдениям Ж. А. Баянбаевой, «локальный текст — это всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр.» [Баянбаева 2016: 77], которая маркируется посредством родовых и видовых топонимов. Для подтверждения этой мысли приведем текст стихотворения:

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не обогреет
И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям⁴.

Названия концептов, заменяющих топонимы Кавказ и Сибирь, — «Юг» и «Север» — выделены нами жирным шрифтом, но написание номинаций с заглавной буквы внесли в текст издания редакторы. Им же принадлежит идея деления текста на части, что способствует противопоставлению художественных концептов «Юг» и «Север» в сознании читателя. Можно предположить, что это было обусловлено первоначальным названием стихотворения — «С севера на юг», — опубликованного в шестом номере журнала «Русская беседа» за 1857 г. Заголовок актуализировал фабулу

¹ Плисс А. А. Мотивная структура «Кавказского текста» в русской литературе первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 21 с.

² См.: Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/5_1.html (дата обращения: 16.07.2022); Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 237 с.

³ Цит. по: Плисс. А. А. Указ. соч. С. 4–5.

⁴ Текст стихотворения цит. по: Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1958. С. 174.

стихотворения, которая существенно отличается от его сюжета. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить текст стихотворения со второй редакцией, опубликованной под названием «Экспромт» в Полном собрании стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста), вышедшем в 1883 г.:

ЭКСПРОМТЪ

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумить лавровый
лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы,
И тонуть въ синевѣ пылающихъ небесъ.
И мы — на юг! въ страну, гдѣ яхонтъ неба
рдѣеть
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ, —
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ;
Но солнце тамъ души не отогрѣтъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ-ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть
красна,
Что насъ, не съвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью, —
И что не мерзлый ровъ, не снѣговой уваль
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ;
Но кровью жаркою обрызганный чакаль
Гостей бездомный прахъ разброситъ по
ушелямъ.

В этом варианте отсутствует графическое выделение концептов, равно как и деление текста на композиционные части. Есть основание полагать, что данный вариант более соответствует замыслу поэта, который мог перечитать его в рукописи. Дело в том, что сам А. И. Одоевский не имел обыкновения записывать свои произведения, поэтому сохранились лишь те из них, которые были зафиксированы друзьями поэта. Рассматриваемое произведение написано по пути с сибирской каторги на Кавказ, где Одоевский должен был в звании рядового отбывать остаток заключения. Спутником поэта был другой ссыльный декабрист — М. А. Назимов, который, увидев стаю летящих на юг журавлей, предложил Одоевскому сочинить экспромт. Назимов же и записал стихотворение, которому издатель Полного собрания стихотворений декабрист Е. А. Розен дал название «Экспромт», видимо, основываясь на ситуации создания текста:

ЭКСПРОМТ, (или устар., *экспромпт*), а, м. [латин. *expromptus* — быстрый] (книжн.). Речь, **стихотворение**, остроумное замечание, муз. произведение и т. п., произнесенные, **сочиненные без предварительной подготовки, сразу**⁵.

Издатель добавил в текст четыре последние строки, собственноручно записанные в его тетрадь А. И. Одоевским через год, уже в кавказской ссылке.

Отсутствие деления на строфы способствует прозаизации текста, которая усиливается его сюжетностью, возникающей в результате актуализации концепта «Путь», понимаемого автором не только как перемещение в пространстве, но и как процесс духовных испытаний героя.

Особенность стихотворения А. И. Одоевского заключается в том, что Кавказ (Юг), который его соратники называли *теплой Сибирью*, изображен сразу в двух ипостасях: как страна, куда вместе с птицами устремляются мечты лирического героя и его товарищей, и как место, где им предстоит найти последний приют. С этой целью автор стихотворения в первой композиционной части использует лексику, содержащую семы 'высота', 'свет', 'разнообразие цветов', 'красота', а во второй — слова, содержащие компоненты смысла 'черный' (*тень*); 'красный' (*кровь*), 'низ' (*ущелье*), 'холод' (*сѣверь*, *мерзлый*, *снѣговой*). С точки зрения лирического героя, его удел на Кавказе ничуть не лучше, чем в Сибири в мерзлом рву, под снеговым увалом. Следует заметить, что образ Севера (Сибири), хотя и представлен в стихотворении более скупо, также строится с учетом вертикальной системы координат: лексема *сосна* содержит сему 'верх', а слова *ров*, *увал* — 'низ'.

Углубляя смысл произведения, поэт использует в нем интертекстуальные средства, преимущественно аллюзии и реминисценции, для выявления которых требуется обратить внимание на литературный контекст, в рамках которого следует рассматривать произведение. И здесь привлекают внимание, с одной стороны, дальние

⁵ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940): фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/экспромт> (дата обращения: 20.07.2022).

и близкие претексты, а с другой — «посттексты», гораздо более известные современному читателю, чем стихотворения Одоевского.

К числу дальних претекстов принадлежит перевод «Песни Миньоны» («Mignons-Lied», 1782–1785) из романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Это стихотворение, с высокой степенью вероятности, было известно любителю литературы А. И. Одоевскому в переводе В. А. Жуковского «Мина» (сборник «Für Wenige. Для немногих». 1818. № 1), хотя он мог читать его и в подлиннике (писатель свободно владел немецким языком⁶):

Я знаю край! **там** негой дышит **лес**,
Златой лимон **горит** во мгле древес,
И ветерок **жар** неба холодит,
И тихо **мирт** и гордо **лавр** стоит..
Там счастье, друг! **туда! туда**
Мечта зовет! **Там** сердцем я всегда!
Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Летит скала и воды на скалу!..
О друг, пойдем! **туда! туда**
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда?

В тексте перевода, который в высокой степени эквивалентен подлиннику, нами выделены лексемы, повтор которых обнаруживается в «Экспромте». По сути, они маркируют диалог русского поэта с немецким писателем, считавшимся в России предтечей романтизма. Одоевский своим стихотворением как бы отвечает героине Гёте — Миньоне, мечтавшей вернуться в Италию, но сомневавшейся, воплотится ли ее стремление в жизнь, что произойдет, если мечта будет реализована.

Как следствие, прагматика русского стихотворения принципиально иная, чем немецкий прототип: Юг (Кавказ), изображавшийся романтиками как объект мечты, оборачивается жестокой реальностью: *Пора отдать себя и смерти и забвенью!*

Для того чтобы понять смысл этих строк, необходимо рассмотреть символическое

значение лексем, указывающих на «мифомотивное пространство “кавказского текста”», а также символы, языковые репрезентации архетипов и мифов, маркирующие его [Шульженко 2001: 10]. В стихотворении Одоевского они представлены группой единиц, развивших в древнегреческой мифологии семантику ‘обитель небожителей’, ‘безмятежное существование’.

Так, выражение *лавровый лес* отсылает читателя к древнегреческому преданию о том, что на вершине Парнаса растет лавровая роща, где обитают музы. Лексема *лавр*, которая в первом своем значении называет «южное вечнозеленое дерево или кустарник»⁷, имеет и производное значение: «венки из листьев этого дерева или ветвь его как символ победы, награды»⁸. Лексема *гора*, формирующая пространственную вертикаль, соотносится с концептами «Верх» и «Небо», отражающими высокие стремления лирического героя, которому автор доверяет свои мысли. Лексема *мирт* может быть истолкована по-разному: в древнегреческой мифологии этот вечнозеленый кустарник символизирует мир, счастье, любовь и брак, возрождение, а также, подобно *лавру*, победу. Вследствие многозначности символа, строка *свежий мирт чела не обовьет* может быть понята и как оторванность от семьи, и как крушение надежд на счастливые перемены, и как невозможность возрождения героя к новой жизни.

К близким контекстам относятся произведения А. С. Пушкина и А. А. Бестужева-Марлинского, в которых описывается не только юг как идеализированное и мифологизированное романтиками пространство, но и Кавказ как топос, вокруг которого формируется неомиф о свободе.

Средством его создания на языковом уровне становится образ птицы, который в русской поэзии символизирует душу, близость к Богу и свободу. Сема ‘птица’ содержится в производном значении лексемы *станция*, «Стая (устар., поэт.)»⁹, в котором она используется в поэме А. С. Пушкина

⁶ «Пиит и учен, знает почти все главные европейские языки», — отмечали его товарищи по каторге [Декабристы-литераторы 1956: 262]. Одоевский приписывал заболевание лихорадкой, от которой впоследствии погиб, чтению Шиллера в подлиннике на ветру при поднятых полах палатки [Филипсон 1885: 204].

⁷ Значение слова «лавр» // kartaslov.ru — Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/лавр> (дата обращения: 25.07.2022).

⁸ Там же.

⁹ Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935–1940 [Электронный ресурс]. URL:

«Цыганы» (1823–1825), где употреблена в сочетании с глаголом *несетесь*, тем же, что и в стихотворении Одоевского: *Когда подымается с полей // Станица поздних журавлей // И с криком вдаль на юг несется* [Виноградов 1966: 255–256].

Образ орла, символизирующий гордость, независимость, превосходство и свободу, использован А. С. Пушкиным в стихотворении «Кавказ» (1829) для усиления эффекта исключительности лирического героя, акцентуации его духовных стремлений. В стихотворении Одоевского образ орлицы помимо перечисленных значений актуализирует сему 'радость', которая подчеркивается повтором буквы *р* в сочетании с гласными (*рпють радостно, орлицы*), а также усиливает характерную для западной литературы сему 'обновление'. В стихотворении обе они не имеют отношения к чувствам главного героя, что подчеркивается эллиптической конструкцией *И мы — на юг!* и предикативной конструкцией, содержащей олицетворение, *путь влечетъ*, за которыми следует фраза: *Но солнце тамъ души не отогреть*. Таким образом, оба высказывания указывают на то, что путь на юг выбран не самим героем.

Ощущение приближающейся трагической развязки пути передано в стихотворении не только эксплицитно, но и имплицитно на уровне символов, проясняющихся при помощи ближнего контекста, представленного повестями А. А. Бестужева-Марлинского, например «Он был убит» (1836). Противоречивой символикой обладает образ розы: с одной стороны, он ассоциируется с райским садом, а с другой — содержит смертельную семантику, восходящую к греческой и римской мифологии. Оба этих значения обнаруживаются в повести Бестужева-Марлинского:

Мило негует роза с тиховейными ветерками и в благоуханном поцелуе передает им свою душу; а между тем червяк уже подточил ее стебель.

В стихотворении Одоевского эксплицитно первый смысл, а второй выражен имплицитно.

Символика образа кипариса в повести Бестужева раскрывается посредством метафоры: *Взглянул вверх, — дикий кипарис, опало мертвецов, простирал на меня венок из ветвей своих...* [Бестужев-Марлинский 1995], что упрощает его смертельную интерпретацию в стихотворении Одоевского. В религиозном дискурсе кипарис часто становился элементом изображения рая, эта символика представлена в подтекстах произведений Одоевского и Бестужева, где Кавказ изображается райским местом.

Экзотизм *чакал (шакал)* в стихотворении Одоевского эксплицирует представление о бесславной смерти и отсутствии погребения. Это хищное животное, часто появляющееся у мест захоронений, считается предвестником смерти. Трагизм изображаемой ситуации усиливается аллитерацией: буква *р* повторяется в двух строках пять раз в сочетании с согласными: *кровью, жаркою, обрызганный, прахъ, разброситъ*¹⁰. В связи с смертельной символикой, сопровождающей изображение Кавказа в стихотворении Одоевского, важными представляются наблюдения В. И. Тюпы, который отмечает нормализацию состояния «смерти на Кавказе, как если бы это было место обитания мертвых» [Тюпа 2002: 27], в то время как «Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической страны мертвых» [Там же]. Сходство мифологической семантики топонимов возникает несмотря на то, что Сибирь в произведениях русских классиков представлена образами *холода — зимы — ночи (луны)*, а Кавказ — *жары — лета — дня (солнца)*.

¹⁰ Об экзотическом статусе лексемы свидетельствует орфография, а также отсутствие склонения в этнографическом очерке Н. Н. Муравьева-Карского «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах» (1821): *Стада шакал нередко окружат по ночам селения и воют разными голосами; странной вой сей поражает и страшит неопытного путешественника*. В повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин» (1834) экзотизм встречается в написании *чакалка*. Являясь частью сравнения, он актуализирует семы 'слабость', 'хищность', 'подлость': *Это его произвело в собственном мнении в герои красного флага, и он, заслышав, что снаряжается небольшая эскадра в Ледовитое море для поисков над шведами и русскими, решил идти вслед за нею, как чакалка за тигром*.

Таким образом, Юг и Север в стихотворении Одоевского не противопоставляются друг другу, как виделось первым издателям стихотворения, а продолжают и развивают друг друга. Их сходство и неразрывное единство передается поэтом не только лексическим способом, но и посредством графических средств — букв дореволюционного алфавита *ѣ*, *і*, *ѳ* (в позиции конца слова), которые объединяют содержащие их слова в тематические группы, оформляющие фразу и идею произведения.

Перечислим состав этих групп:

«ѣ»: *гдѣ*, *лѣсъ*, *рѣютъ*, *синевѣ*, *рдѣтъ*, *гнѣздо*, *себѣ*, *не отогрѣтъ*, *свѣжій*, *тѣмъ-ли*, *послѣ*, *съвера*, *тѣню*, *снѣговой*, *послѣднимъ*;

«і»: *могучіа*, *свѣжій*, *далекій*;

«ѳ»: *экспромтъ*, *горахъ*, *шумитъ*, *лѣсъ*, *рѣютъ*, *тонутъ*, *небесъ*, *югъ*, *яхонтъ*, *рдѣтъ*, *вьетъ*, *насъ*, *влечетъ*, *тамъ*, *не отогрѣтъ*, *миртъ*, *не обовьетъ*, *намъ*, *будетъ*, *насъ*, *кипарисъ*, *покроетъ*, *не ровъ*, *не уваль*, *подарятъ послѣднимъ* *новосельемъ*, *чакаль*, *прахъ*, *разброситъ*, *по ущельямъ*.

В перечисленных рядах мы выделили жирным шрифтом слова, где присутствуют две указанные графемы — они отражают идею произведения, в соответствии с которой Юг (Кавказ), о котором мечтали писатели-романтики и который рисовался им краем свободы, становится для героя последним приютом, и смерть на фоне райской природы ничем не лучше, чем гибель в мерзлом рву. Обратим внимание на то, что эпитет *лавровый* и существительное *ров* содержат одинаковый графический комплекс, что подчеркивает пересечение концептов «Юг» (Кавказ) и «Север» (Сибирь) в стихотворении Одоевского.

Такой вывод не противоречит наблюдениям А. Люсого в статье «Кавказский текст как кавказский плен» [Люсый, Электронный ресурс], отмечавшего, что Кавказ, который стал для писателей-романтиков «местом интуитивного прозрения законов мироздания», подвергается в их произведениях не только мифологизации, но и **деми-фологизации**, что с наибольшей силой проявилось в произведениях М. Ю. Лермонтова. Этот процесс, на наш взгляд, можно обнаружить и в стихотворении А. И. Одоевского, где речь идет не о «политическом статусе края, расстающегося со

своей вольностью» [Люсый, Электронный ресурс], а о крушении надежд, смертельном испытании и гибели.

В связи со сказанным следует более пристально проанализировать образ Севера, при интерпретации которого необходимо учитывать отсылки к биографии поэта, а также символический план образов, который особенно отчетливо проявляется при сравнении с «посттекстами» М. Ю. Лермонтова «Тучи» (1840) и «Сосна» (1841).

В первом стихотворении просматривается образная параллель, напоминающая ту, что использовал Одоевский (ср.: мчащиеся тучи — лирический герой / несущиеся крылатые станицы — группа лирических героев), здесь же появляется указание вектора движения: *милый север — сторона южная*. Вотличие от персонажа Одоевского лирический герой Лермонтова явно негативно оценивает свое вынужденное прощание с Родиной.

В стихотворении Одоевского эта оценка представлена имплицитно, посредством фоновой семантики лексемы *сосна*. Современным любителям поэзии этот образ знаком по переводам стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam...», включенного немецким поэтом-романтиком Г. Гейне в цикл «Лирическое интермеццо» («Lyrisches Intermezzo», 1823). Первый перевод, названный Ф. И. Тютчевым «С чужой стороны», был опубликован в 1827 г., т. е. в период сибирской ссылки А. И. Одоевского, где он оказался за участие в декабрьском восстании. Велика вероятность, что стихотворение Гейне Одоевский мог читать ранее в подлиннике. К моменту знакомства А. И. Одоевского с М. Ю. Лермонтовым стихотворение «Куда несетесь вы...» уже было написано, что нашло отражение в переводе текста «Сосны». Во всяком случае, этот образ у обоих авторов неразрывно связан с концептом «Север». Однако у Одоевского он более конкретен, на что указывает регионализм *увал* — «пологий склон горы, холма; возвышенность без ясно выраженной подошвы с постепенным и незаметным переходом от склона к ровной долине; гряда низких, вытянутых холмов (Приангарье)» [Географические названия... Электронный ресурс]. Северный пейзаж, возникающий в воображении лирического

героя, суров и неприветлив, что подчеркивают эпитеты *угрюмая, мерзлый, снѣговой*, которые в поэзии часто используются для изображения зимнего умирания природы. Используя прием параллелизма, Одоевский рисует воображаемую смерть лирического героя, у которого близкий уход не вызывает страха, о чем свидетельствуют эпитет *мирно*, поэтический фразеологизм *последнее новоселье*, метафора *подарят*. Их использование тесно связано с фоновой семантикой лексемы *сосна*, сформировавшейся в фольклорных текстах различных жанров (песнях, легендах, пословицах и поговорках). Т. А. Агапкина в статье «Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна» [Агапкина, Электронный ресурс] отмечает, что у славян это дерево почиталось как священное. Существовало предание, что она вырастает на могиле безвинно загубленного или погибшего до брака человека; считалось, что душа умершего переселяется в дерево; в народных обрядах сосна символизировала и брачную пару человека, который не нашел себе спутника/спутницу жизни.

Все сказанное свидетельствует о том, что процесс демифологизации «кавказского текста» в стихотворении Одоевского сопровождается процессом неомифологизации «сибирского текста». Север (Сибирь) у Одоевского становится не только локусом смерти, но и «своим» пространством, в отличие от «чужого», «южного», «кавказского».

Выводы. Таким образом, анализ стихотворения «Куда несетесь вы...» свидетельствует о том, что данный текст с полным правом можно отнести к топонимическим. Несмотря на отсутствие в нем топонимов, стихотворение содержит следующие характерные элементы и признаки указанной группы текстов:

- кумулятивная функция, в результате которой формируется концепт с локальной семантикой;
- многообразные интертекстуальные связи;
- символы и архетипы.

Представляется, что произведения А. И. Одоевского заслуживают более детального изучения в означенном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна [Электронный

ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-dereviev-v-traditsionnoy-kulture-slavyan-sosna> (дата обращения: 30.08.2022).

2. Баянбаева Ж. А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.

3. Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. 703 с.

4. Виноградов В. В. О стиле Карамзина и его развитии (исправления текста повестей) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л.: Наука, 1966. С. 237–238.

5. Географические названия Восточной Сибири [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenieslova.ru/увал> (дата обращения: 28.08.2022).

6. Декабристы-литераторы: статьи и материалы: в 3 кн. Т. 2, кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 674 с.

7. Кавказский текст в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://kavkaztext.tilda.ws/19v> (дата обращения: 18.07.2022).

8. Котляревский Н. А. Князь Александр Иванович Одоевский [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kotlarevskiy_n_a/kotlarevskiy_n_a_knaz_akexandr_ivanovich.html (дата обращения: 16.07.2022).

9. Кудряшов К. Одоевский – из искры возгорится пламя. Как князь декабрист спорил с судьбой [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/culture/person/odoevskiy_iz_iskry_vozgoritsya_plamya_kak_knyaz-dekabrist_sporil_s_sudboy (дата обращения: 18.07.2022).

10. Люсый А. Кавказский текст как кавказский плен. Культурная эволюция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kavkazskij-tekst-kak-kavkazskij-plen> (дата обращения: 26.10.2022).

11. Мартазанов А. М. О современном состоянии «кавказского текста» русской литературы // Литературное обозрение: история и современность. 2015. № 5. С. 64–69.

12. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.

13. Филиппсон Г. И. Воспоминания. М.: Университетская типография, 1885. 361 с.

14. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

15. Шульженко В. И. Кавказский феномен русской прозы. Пятигорск: ПятГФА, 2001. 368 с.

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Symbols of trees in the traditional Slavic culture: pine. *Slavyanskii mir v tret'em*

tysyacheletii: sb. statei = Slavic world in the third millennium: collection of articles. 2011;6:379–387 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-dereviev-v-traditsionnoy-kulture-slavyan-sosna> (accessed: 30.08.2022). (In Russ.)

2. Bayanbaeva Zh. A. To the questions of local text and its functions (on the example of Alma-Ata local text). *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2016;2:77–84. (In Russ.)

3. Bestuzhev-Marlinskiy A. A. Caucasian stories. Saint-Petersburg: Science, 1995. 703 p. (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. On the style of Karamzin and its development (corrections of the text of the stories). *Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka (ot Kantemira do Karamzina): sb. statei = The Processes of Formation of the vocabulary of the Russian literary language: collection of articles (from Kantemir to Karamzin)* / Yu. S. Sorokin (ed.). Moscow; Leningrad: Science, 1966. P. 237–238. (In Russ.)

5. Geographical names of Eastern Siberia [Electronic resource]. URL: <https://znachenie-slova.ru/увал> (accessed: 28.08.2022). (In Russ.)

6. Decembrists-writers: articles and materials: in 3 books. Vol. 2, book 1. Moscow: Publishing house of AS USSR, 1956. 674 p. (In Russ.)

7. Authors of XIX century. *Kavkazskii tekst v russkoi literature = Caucasian text in Russian literature* [Electronic resource]. URL: <http://kavkaz-text.tilda.ws/19v> (accessed: 18.07.2022). (In Russ.)

8. Kotlyarevsky N. A. Prince Alexander Ivanovich Odoevsky [Electronic resource]. URL: http://dugward.ru/library/kotlarevskiy_n_a/kotlarevskiy_n_a_knaz_akexandr_ivanovich.html (accessed: 16.07.2022). (In Russ.)

9. Kudryashov K. Odoevsky – a flame will ignite from a spark. How the Decembrist prince argued with fate. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts* [Electronic resource]. URL: https://aif.ru/culture/person/odoevskiy_iz_iskry_vozgoritsya_plamya_kak_knyaz-dekabrist_sporil_s_sudboy (accessed: 18.07.2022). (In Russ.)

10. Lyusyi A. Caucasian text as Caucasian captivity. Cultural evolution. *Russkii zhurnal = Russian Journal* [Electronic resource]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kavkazskij-tekst-kak-kavkazskij-plen> (accessed: 26.10.2022). (In Russ.)

11. Martazanov A. M. On the current state of the "Caucasian text" of Russian literature. *Literaturnoe obozrenie: istoriya i sovremennost = Literary Review: History and Modernity*. 2015;5:64–69. (In Russ.)

12. Tyupa V. I. Mythology of Siberia: on the issue of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2002;1:28–35. (In Russ.)

13. Filipson G. I. Memories. Moscow: University printing house, 1885. 361 p. (In Russ.)

14. Khalizev V. E. Literary theory. Moscow: Higher school, 2000. 398 p. (In Russ.)

15. Shulzhenko V. I. Caucasian phenomenon of Russian prose. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Pharmaceutical Academy, 2001. 368 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Тихоновна Грязнова, кандидат филологических наук, профессор

Anna T. Gryaznova, Candidate of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.